

Геннадий Солодов

Поиски счастья во времена перемен

18+

Геннадий Солодов
Поиски счастья во
времена перемен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70269520

SelfPub; 2024

Аннотация

Будьте осторожны, выбирая партнёров для праздничного застолья, и уж, конечно, будьте чрезвычайно осмотрительны при выборе темы для застольного разговора. Последствия могут быть совершенно неожиданные.

Геннадий Солодов

Поиски счастья во времена перемен

1.

– Иуда... Иуда!..

Это имя всё утро вертелось в голове Ивана и раздражало, как несмываемое дерьмо в вялом водовороте засорённого унитаза. Как он ни старался, но мысли катились опять туда. Почему он Иуда? За что? За то, что хотел помочь обрести покой несчастной, страдающей женщине? В этом нет ничего недостойного. То, что её благодарность зашла слишком далеко – не его вина. Уж если кто и похож на Иуду, так это она: могла бы попридержать свой язык за зубами... Ах, её язык за её зубами... Так, стоп!.. Такая смена направления его не устраивала. Пропадало чувство собственной правоты. Да, он обещал и клялся жене не раз, по разным поводам, но это же не исключает элементарного проявления доброты к окружающим. Без этого и жить ни к чему. Придумала!.. «Иуда!..»

Вчера кульминация романтики привела к неожиданному взрыву. После сопоставления фактов жена набросилась на него с кулаками. Правда, её кулаки размером с мелкое яб-

локо – неважный инструмент для побоев. Последовавший за этим обмен обобщениями имел куда более серьёзные последствия. Пара десятков слов с каждой стороны – и семь почти нет. «Почти» – это всего лишь формальности при оформлении развода. Всё!.. Бесповоротно!

Иван не мог принимать всерьёз эти разборки. Его душа парила высоко и была далеко от места, где эта постылая женщина орала на него. Он всё ещё переживал, как его любовь изменилась до неузнаваемости обнажившись. Знакомым осталось только лицо. Привычные черты потом обнаруживались, и каждое такое открытие раз за разом сводило его с ума. Когда разум вернулся окончательно, он ушёл домой на трясущихся коленях... Но секс никогда не был главным в их отношениях. Что бы ни утверждала жена – это была духовная близость прежде всего, нельзя было даже в мыслях допускать ничего другого. Она же видела в нём только «Кобея» и «Иуду».

Когда супруга хлопнула дверью, Иван перестал чувствовать всё, кроме усталости. Сон пришёл быстро и походил на глубокий тёмный провал. Эмоции ожили с пробуждением. Началось с горькой пустоты в душе. Поначалу это казалось отражением предстоящего бессодержательного дня: воскресенье – ни дел, ни встреч, никаких чётких планов. Когда же горечь пустоты стала похожа на послевкусие дешёвого коньяка, он понял, чего просит душа, и не стал сопротивляться. Наскоро умывшись, он направился в сторону ближайше-

го магазина с намерением начать сегодняшней рацион питания с раннего обеда в одиночестве.

На улице светило яркое солнце, выставляя окружающий мир в неуместно радостных красках. Иван свернул на тенистую дорогу, идущую вдоль школы. Этот путь был длиннее, но в воскресенье здесь не было машин, припаркованных на тротуарах и превращающих целенаправленное движение в слалом. Чтобы восстановить душевное равновесие, он старательно сосредотачивался на преимуществах своего нового положения. Теперь он был полным хозяином жилища и мог делать там всё, что угодно. Готовить и есть он будет то, чего ему захочется, ни с кем не советуясь и никому не угождая. Он будет наслаждаться свободой.

Короткий сигнал телефона известил о получении нового сообщения. Он открыл мессенджер. Контакт «Мария» сообщал: «Сейчас приедет Валентин. Сегодня не звони». Это означало, что в погожий воскресный день Иван будет целиком и полностью предоставлен самому себе.

Бродя между рядами магазинных полок, Иван брал то, что до сегодняшнего дня было недопустимо приносить в дом: жирная, острая, нездоровая еда с консервантами и подозрительными составляющими. Но вкусная и давно желанная. Когда все заветные упаковки и банки были собраны, он добавил сверху несколько сырых стейков и французский багет – корзинка гостинцев самому себе готова.

Прилавок для крепкого спиртного находился у касс.

Скользнув взглядом по рядам напитков, Иван остановил свой выбор на объёмистой четырёхгранной бутылке с зелёной этикеткой. Немного подумав, он решил, что у каждого порядочного человека дома должен быть запас для непредвиденных случаев, и взял две. Передвинувшись к кассе, он выложил всё на ленту, и, попросив у кассирши пару пакетов, начал упаковываться. Телефон снова издал звук, извещающий о новом сообщении. «Маша» – радость кольнула в солнечное сплетение. Он выхватил телефон. Сообщение было от жены. Она написала, что через полчаса собирается заехать за вещами и будет очень признательна, если Ивана не будет в это время дома. На сборы ей нужны два часа.

Порыв позвонить этой бездуховной женщине угас так же быстро, как и возник. В переговорах не было смысла, а к словесному поединку за моральное превосходство он сейчас не был готов. Нужен письменный ответ. Лаконичный и достойный. Когда в голове уже начало складываться: «...всё, что забудешь забрать, отправлю посылкой...», раздался голос кассирши: «Пять тысяч семьсот тридцать семь рублей». Стараясь не потерять нить сочинительства, Иван положил телефон, залез в бумажник, расплатился, допаковал купленное, получил чек и, рационально используя все десять пальцев на руках, переместился к соседней, неработающей кассе. Там он ответил жене и вышел из супермаркета.

Через полсотни шагов, Иван обратил внимание на то, что штаны облегают правое бедро свободнее, чем обычно. Пе-

редний карман его джинсов был пуст. В этом кармане всегда находился бумажник. Всегда так было: телефон в левом – кошелёк в правом. Не выпуская из рук пакетов, он ощупал карманы снаружи. Бумажника нигде не было.

* * *

Пожилая пара стояла у той самой неработающей кассы, где совсем недавно суетился Иван. Строго говоря, эти двое не могли быть парой, в том смысле, что они вместе. Мужчина около седьмого десятка, одетый в длинную тёмную куртку и фуражечку с мохнатыми отворотами. Женщина, недавнюю привлекательность которой стремительно съедали морщины, была в поношенном светлом пальто, из-под которого не выглядывало никакой другой одежды. Нечёсанные седые волосы были небрежно перехвачены прозрачной косынкой. Инсталляция с названием «Огородное чучело у чугунного фонарного столба».

Иван направился к кассе, где он платил за покупки, но светлое пальто оказалось на его пути. Широко улыбнувшись, женщина произнесла:

– Христос воскрес!

Иван напрягся. Упоминание новозаветного сюжета было неожиданным.

Видя его замешательство, она добавила:

– С праздничком!

С этими словами некоторые окружающие предметы, до сего момента не удостоенные внимания, приобрели смысл. Разукрашенные куличики за витриной. Бежево-золотой плакат на стене. И какая-то особенная чистота вокруг. Сегодня Пасха!

Женщина тронула Ивана за локоть и кивнула в сторону своего спутника. Тот держал в руке забытый бумажник. Иван потянулся за ним, но пенсионер проворно спрятал находку за спину.

– Чем докажешь, что хозяйство твоё?

– Там, под кармашком с пуговкой, две мои фотографии «четыре на пять».

Ивану неприятно было смотреть, как пара чужих пальцев обследуют потайные складки его бумажника, нащупывая фотки, но желание вернуть кошелёк скорее и по-хорошему сдерживало его.

Сверив фотографии с лицом Ивана, мужчина отдал ему кошелёк. Иван вынул из бумажника несколько купюр и протянул мужчине.

– Спасибо. И вас с праздничком!

Лицо мужчины стало обиженным, но деньги он взял.

Иван спрятал кошелёк в карман. Издав стеклянный звон, он обустроил пакеты по-походному и обратился к женщине:

– Спасибо большое! С праздником! Хорошего вам дня!

Она улыбнулась в ответ:

– Что, так и уйдёшь? Не поблагодаривши?

Хоть препирательства и были ожидаемы, сказанное не звучало как «наглое требование увеличения гонорара, требующее решительных мер». Лишённое косметики лицо женщины источало искреннее благодушие. Иван мялся в нерешительности. Уходить было нельзя, окончательная развязка ещё не наступила.

Будто чувствуя Иваново сомнение, она продолжила:

– Праздник ведь светлый, радостный – Воскресенье Христово. Праздник для всех, у кого есть хоть что-то светлое в душе. Ведь если б Иуда ещё помучился и дожил до Воскресенья, то и не стал бы вешаться. Ведь незачем бы было уже!

««Иуда» – пароль сегодняшнего дня», – подумал Иван.

Упоминание скурвившегося апостола напомнило ему о неприятном контакте, неизбежном, если двинуться домой прямо сейчас. Нафиг! Эти двое были ему сейчас гораздо симпатичнее.

– Ладно, давайте отметим праздник, что ли. Есть тут у вас тихое место неподалёку?

Широкая улыбка женщины стала ещё шире.

– Пойдём, покажу. Давай пакет понесу, чтоб тебе не надрывать.

* * *

«Тихое место» было действительно тихим. Труднодоступным. Добираясь туда, пришлось пересечь оживлённую ма-

гистраль и найти болтающийся прут в железной ограде вокруг какого-то казённого заведения. Самодельный стол со старой дверью вместо столешницы и пара скамеек, вкопанных в землю между кустов сирени, были в почёте у любителей уюта на свежем воздухе, если судить по утоптаным тропкам, ведущим к этому месту отдыха и уединения.

Пожилая пара чувствовала себя здесь хозяевами и действовала так быстро и слажено, будто приводила сюда гостей вроде Ивана по несколько раз на день. Они мгновенно оказались на скамейках по разные стороны стола и несколько секунд изучали принесённое съестное. Без промедления из обширных карманов мужской куртки были извлечены два гранённых стаканчика-недомерка, а в руки женщины переключал складной нож внушительных размеров. Большой носовой платок сомнительной чистоты прошёлся по краю стола, подготавливая место для нарезки закуски. Роль Ивана определила женщина, отодвинув стаканчики в его сторону:

– Вы, мальчики, пока сами, а я едой займусь.

Иван послушно присел на край отполированной чьими-то штанами скамьи, открыл бутылку и разлил по первой. Пенсионер немедля взял чарку, вертикально поднял её до уровня глаз, призывая Ивана последовать его примеру:

– С праздником. Христос воскрес! – Провозгласил он и стремительно опрокинул напиток в горло. На столе перед ними уже лежали несколько кусочков багета, украшенных шпротами.

Иван выпил следом. Его пустой желудок отозвался сладкой теплотой.

– А ты сам-то верующий, отец?

Иванов собеседник отрицательно замотал головой.

– Василий Курочкин. Полковник в отставке, член КПСС с 1978 года. Атеист. – Перечислил он, прожевав хлеб.

– А я – Беличка, – женщина сочла момент подходящим, чтобы представиться.

– Значит, для тебя этот праздник важен только как повод? – Иван кивнул головой в сторону опустевшего стаканчика.

– Ну, это как понимать... Христос был борец за лучшую долю для своего народа и погиб от рук оккупантов. Память о нём живёт в сердцах людей. За это стоит выпить.

– Он атеист, но верующий, – снова подала голос Беличка.

– А при чём здесь вера? Разве неизбежность победы коммунизма не научно доказанный факт? – Блеснул знанием предмета Иван.

Почувствовав иронию, полковник нахмурился, но женщина терпеливо продолжала:

– Ты-то этого не знаешь, молодой, но мы обещали быть верными делу партии ещё вступая в пионеры. А про классовую борьбу нам объясняли только лет через пять. Так, Вася? В седьмом классе, наверное?

– В восьмом, – отозвался Вася.

– Ну вот, уже после вступления в комсомол, когда мы

опять обещали и клялись. Так какая же это наука, если ты сначала клянёшься, а потом тебе говорят в чём, собственно, дело? Религия. Самая современная, самая совершенная. Требуется фанатичной веры. Иначе не сбудется.

– Веры во что? В далёкое светлое будущее?

– Веры в человека, прежде всего, – решительно выдал полковник, – Ну, и в его светлое будущее.

Беличка взяла бутылку и наполнила стакашки. Василий положил на свой палец и, не поднимая руку со стола, продолжал:

– Сходство, конечно есть, что и говорить. Но мы не обманывали народ. Они провозглашали «не убий», а сами мочили людей направо и налево. Мы определили, что будет борьба. Насилие большинства над меньшинством. А значит – жертвы неизбежны. Мы – честнее.

Неожиданно для Ивана он поднял свой стакан и отправил содержимое в рот без всякого напутствия.

– Они – лицемеры. Мы – нет. Они говорят, что можно любить всех людей. А я и хочу любить людей, но как их любить со всеми их закидонами? Вот ты можешь любить человека, которого тебе противно слушать?

– Нет, – подтвердил Иван.

– Для нас люди не предмет любви, а материал для работы. Руда. Мы из них куём будущее светлое общество. И люблю я не человека, с которым мне приходится сталкиваться сегодня, а человека с большой буквы – человека будущего. В

него я верю.

Беличка пододвинула к себе стакан полковника, налила до половины и, понизив голос, чтобы не мешать разговорившемуся товарищу, предложила Ивану:

– А теперь давай со мной: Христос воскрес! – Увидев, что тот подхватил её призыв, добавила, – Целоваться потом будем.

Курочкин тем временем продолжал:

– Но подход к людям сходен: убеждаем и мы и они, что мир устроен несправедливо и каждый человек заслуживает большего, чем имеет. Это в истории часто произносилось, и, наверняка, ещё будет сказано не раз.

Полковник погрузился в задумчивость. Иван, взглянув на нарезанную закуску, спросил Беличку:

– А икру почему не открыла?

– Не могу я её кушать. Мне в каждой икринке рыбка нерождённая мерещится. Погоди, вот первая кончится, – она указала на бутылку, – тогда и намажу.

– Бросьте, Беличка. Животных убивать не грех ради пропитания. Это – главный закон жизни.

Эта фраза вывела полковника из оцепенения, и он резко хлопнул ладонью по столу.

– «Жизнь» – это то, что появится у тебя на кухонном столе, если твоя жена его неделю протирать не будет. Плесень. А главный закон «жизни»: протирать – стол – каждый – день! – Веско сформулировал он, обозначив ребром ладони ритм

этого порядка.

Иван чувствовал, как алкоголь струится в кровь, не находя в голодном организме никаких препятствий. Разговор требовал продолжения.

– Вот, у вас, Василий, всё определяет революционная ситуация. От неё зависит что будет или чего не будет. А в христианстве всё выстроилось на одной личности. Великой личности. Боге!

– Брось. Ленин сделал для людей не меньше. Тоже призывал изменить отношение к людям, но ему не поверили и убили. А учитывая разницу в количестве народонаселения, то он, наверное, ещё и крупнее фигура, чем Иисус, которого, может, и не было никогда. А Ленин – вон, лежит. Можно пойти и посмотреть.

– Есть письменные свидетельства четырёх человек, что Иисус существовал. Этого достаточно для признания этого факта по любым законам.

– Ага, – глаза полковника сверкали, а нос заострился, – И чудеса его тоже будем считать установленным фактом?

– Всему можно найти рациональное объяснение.

– Ну, что-ж, – полковник быстренько стрельнул глазами в сторону неоконченной бутылки. Ему тоже хотелось продолжить разговор, – Давайте поищем.

* * *

Человек стоял, подставив лицо солнцу. Оно обжигало, но вглубь тела тепло не проходило. Подкравшаяся сзади струя холодного воздуха коснулась затылка, и неприятный озноб побежал по коже, поднимая волоски. По лицу скользнула недовольная гримаса. Человек мотнул головой, накинул на голову платок и начал спускаться вниз, убегая от ледящих сквозняков. Весна была близко, но в этом году она не торопилась согреть Палестину.

Он ступал уверенно, но лёгкой или проворной эту походку назвать было нельзя. Так ходят крепкие, но невысокие люди. Лицо простое, даже грубое, но за таким лицом не могла прятаться даже самая малость злобы или лукавства. Рыжеватые, толстые волосы на голове и лице выглядели как пучок старой травы, объеденный скотом. Игрушка для ветра и укрытие для мелких песчинок. Имя человека было Иешуа, сын Иосифа, брат Иакова, родом из Галилеи.

Его одиннадцать спутников обустроивали свой ночлег под холмом недалеко от дороги на Еришалаим. Сухие ветки сложили в центре низинки у скалы. Чахлая растительность вокруг заставляла ценить дрова, и люди, собирая их по пути, несли в руках до места ночлега. Место для стоянки было выбрано так, чтобы костра не было видно с дороги. Они не хотели быть замеченными. Распорядился обустройством чернобородый, статный человек по имени Шимон или Кефа. Ещё один Шимон, по прозвищу Канаим, не принимал участия во всеобщей суете и с интересом осмат-

ривал окрестности. Складки на его хитоне при движении выдавали предмет величиной с большой нож или короткий меч, спрятанный от чужих глаз под одеждой. Кефа тоже был вооружён. Об этом можно было догадаться, увидев, как он поправляет пояс с левой стороны.

Сумерки сгущались. Вдруг из-за скалы послышался шорох осыпающихся камней и хруст ломающихся кустов. Канаим проворно юркнул туда, Кефа поспешил за ним. Их прыть была удивительна для людей, проведших весь день в дороге. Вскоре послышался короткий вскрик, опять осыпь камней и оба Шимона появились, таща за руки невысокого, тщедушного человека. Он не сопротивлялся, но свежие следы крови на щеке говорили о его нежелании знакомиться с кем-либо в это позднее время. Незнакомца подвели к сидящему на камне Иешуа и насильно поставили на колени. Канаим достал меч и встал так, чтобы пойманный мог его видеть.

– Кто ты и почему шпионил за нами? – спокойно и с достоинством спросил Иешуа. Казалось, он не удивился неожиданному появлению гостя.

– Меня зовут Ехуда, сын Шимона из Карйота. Я не шпион. Я хотел переночевать здесь, но потом пришли вы и я спрятался, – было видно, что пойманный сильно напуган. – Я не хотел сделать ничего дурного, я испугался.

Он хотел что-то добавить, но передумал. Многословие могло быть опасным.

– Тебе нечего бояться, Ехуда, если ты говоришь правду,

ты встретил праведников, – он протянул руку в сторону Канаима. – Убери меч, Шимон. Куда же ты идёшь, Ехуда?

– В Еришалаим, – ответил тот коротко.

– Зови меня Учитель. Иешуа Учитель. Так какое у тебя дело в Еришалаиме, Ехуда?

– Я, Учитель, иду просить царя о справедливости. Жена ушла от меня. Я знаю с кем, – он тоже ушёл той ночью. Вернулся через неделю один. Говорит, что не знает ничего о ней. Торговал, якобы, в Еришалаиме. Врёт. Женищина не может одна уйти дальше колодца.

Голос его стал слабее и в нём зазвучали печальные нотки.

– Успокойся, Ехуда, – Иешуа называл его по имени при каждом обращении и Ехуде это не нравилось. – Ночуй с нами, мы дадим тебе еды.

После этих слов все собравшиеся вокруг, как по команде, вернулись к своим делам. Иешуа встал с накидки, покрывавшей камень, сбросил её на землю, сел и указал Ехуде место рядом с собой.

– Как же ты ушёл из дому, Ехуда? Детей на кого оставил?

Костер разгорелся и осветил недавнего пленника. Лицом он ещё не стар, но волосы уже с проседью, тонкие и редкие. На макушке уже угадывалась будущая плешь. Неопрятная одежда и корка грязи на ногах свидетельствовали, что он был в дороге много дней.

– У меня нет детей. Я прожил с женой четыре года, но

детей мы так и не нажили. После её ухода я бросил хозяйство и пошёл к её родителям, – тут он сделал жест рукой, словно указывая направление куда шёл, – Но они ничем не могли мне помочь и вот теперь иду к царю Ироду.

– Похоже, её родители встретили тебя неласково, Ехуда.

– Да. Её мать меня всегда не любила, а сейчас грозилась убить.

Беседу прервал Кефа. Еда была готова. Они переместились поближе к костру. Иешуа прочёл короткую молитву, слова которой были Ехуде неизвестны. Бог их поймёт, этих галилеян. Судя по звукам речи вокруг, они все были оттуда.

Иешуа ломал хлеб и раздавал его сидящим. Ещё были солёные маслины в кувшине и почти пустые мехи с вином. На какое-то время все притихли, потом по кругу пошла чаша и разговоры возобновились. Высокий, тощий юноша с узким лицом и вьющимися каштановыми волосами обратился к Иешуа:

– Скажи, Учитель, что ты хотел сказать рассказом о сеятеле, чьи зёрна падают то у дороги, то на камни и совсем немногие на плодородное поле? Расскажи, чтобы понятнее было, – сказал он, внимательно глядя в лицо Учителя.

Лицо Иешуа просияло. Он ласково взглянул на заговорившего.

– Всё просто, дорогой Иоханан. Зёрна – это смысл моих проповедей. Плодородная земля – это вера в бога. Если попадёт зерно в землю, то будут всходы. А если нет веры, нет

земли, то зёрна бесполезны. Не будет там царства божьего. Но не только от веры зависит урожай. Как живёт человек – тоже важно. Если слишком заботится о мирском благополучии, то вера не поможет. Это как терновый куст вокруг всходов.

Страх уже отпустил Ехуду. Вино из общей чаши потекло с кровью по его измученному телу и слегка затуманило ум. Ему стало ясно, что эти люди не сделают ему ничего плохого, хотя и не совсем понятно было откуда эта ясность появилась. Неожиданно для самого себя он сказал:

– Сеятель, разбрасывающий зёрна по дорогам и кустам, умрёт скоро.

Те, кто слушал разговор засмеялись, но лицо Иешуа помурачнело.

– Да ты, Ехуда, уже пророчествовать начал?

– Я не пророк, а земледелец и знаю, что если сеять на дороге и в кустах, то урожай не собрать и скоро сеятелю нечего будет есть. А тогда уж – или воровать, или милостыню просить. Прогонят, а то ещё и побьют. Недолго протянешь.

Сообразив, что сболтнул лишнего, он скосил глаза на лицо Иешуа, но увидел, что опасения были напрасны.

– Ловко ты смешал, Ехуда, божье и крестьянское. Но это поле не похоже на твоё. Из одного зерна, упавшего на хорошую почву, вырастет тысяча колосьев и в каждом колосе будет тысяча зёрен и каждое зерно будет в тысячу раз больше, чем те из которых ты печёшь свой хлеб. И если те-

бе достанется всего лишь одно зерно этого урожая – ты будешь сыт целый год.

– Ты о чём говоришь, Учитель, об урожае хлеба или о зёрнах твоих слов?

– Да это одно и то же. Где мои слова будут приняты всем сердцем, там начнётся царство божье и там будет во всем достаток. Покорись ему, и ты узнаешь великую милость, которую никогда не встречал в своей жизни. Ты познаешь своего бога, Ехуда.

— Я знаю своего бога, Учитель – сказал Ехуда, не отрываясь от кувшина с маслинами.

Иешуа снисходительно улыбнулся.

– Ну расскажи тогда, каков он.

– Так ведь все просто, Учитель. Сказано же: «и сотворил Господь человека по образу и подобию своему».

– Правильно, – подхватил Иоханан, – Ици в себе чистое, прекрасное и восхищайся мудростью творца!

– А ты взгляни на это с другой стороны, – ответил Ехуда, – посмотри на всех людей вокруг, как на отражение божьих черт. Собери все их черты в один образ – это и будет бог. Он – как все мы. Легкомысленный и капризный от безнаказанности. Любит власть. Иногда он злится без причины, много судеб может поломать. Но не может он гневаться вечно – устает и добреет. Переждать нужно. А бывает радостно ему и хочет он всех сделать счастливыми. Но потом обижается за что-то на людей и подаренное счастье

отбирает.

– И как же ты будешь жить с таким богом? – спросил Иоханан.

– Да как живу, так и буду дальше жить. Не буду злить его понапрасну, буду терпеть все его испытания и ждать, когда созреет мой урожай.

Лицо Иешуа было серьёзным и сосредоточенным. Можно было бы сказать, что он стал похож на шахматиста, обдумывающего следующий ход, если бы шахматы были известны на Ближнем Востоке в начале нашей эры.

– Велиал силён в этом мире, – начал он. – Многое из того, что ты о боге говоришь – ростки его зёрен в людях.

– Ты прав, Учитель! – прозвучал высокий голос Иоханана. – Не может быть жадным тот, кому принадлежит весь мир, и кто не может получить больше, чем у него уже есть. Нет сокровищ в мире, кроме тех, которые ему принадлежат.

– Не может он быть завистливым, так как нет того, кому он может позавидовать. – вставил Кефа.

– И не может быть похотлив, потому что способен создать новую душу без участия женичины. – раздался чей-то голос из мрака.

– Дьявол не творец, – продолжал Иешуа, – Не может быть ничего под солнцем созданного им. Души дьявол не создаёт, а только опускает тени в души. Испаскудит, как может, но человек после этого всё ещё остаётся творением

божьем. Это основа человека.

– А ты посмотри, Учитель, на эти основы где-нибудь на рынке или в суде, – не унимался Ехуда, – Сколько творится несправедливости?! Ты исключил из божьих черт самое очевидное, а как остальное различить? Как в полутьме разглядеть, где кончается густая тень, и где начинается реальная вещь?

– Да, Ехуда, мрачно ты видишь мир. Не зря от тебя жена сбежала. Жить с таким и без детей – это тяжёлое наказание!

– Ну, Учитель, если возьмёшься разбираться, где в человеке божье, а где нет, то уж наверняка позабудешь, что такое скука. Жаль только платы за эту работу не дадут никакой, – он покосился на чашу, но она была пуста и из мехов вино выжали до капли.

Взгляд его не остался незамеченным. Шимон Кефа обнажил белые зубы и обратился к Ехуде:

– Раз уж ты заговорил о деньгах, не пора ли за ужина заплатить?

Ехуда мрачно спросил:

– И сколько же ты хочешь за еду?

– Думаю двух динариев будет достаточно, – проговорил он и откинулся назад, оперишись локтем о камень.

– Два динария?! – взволновано вскрикнул Ехуда и вскочил на колени, – Да ты..., – он осёкся и сказал уже спокойнее, – Ты берёшь цену ужина, присланного с конным нарочным из

Ершалаима.

Несколько человек засмеялись

– Как тебя деньги возбуждают, – Кефа опять сверкнул зубами, – Даже забыл, как вот тут стоял на коленях, глядя на острый меч. Совсем ведь недавно.

– Оставь его, Кефа, – Иешуа сказал так, будто говорил с непослушным ребёнком, – Говорим о Боге, забудь пока о деньгах!

Он обратился к Ехуде:

– Ты не доверяешь людям, Ехуда, а ему сейчас почему-то сразу поверил. Шимон шутит, никто не возьмёт с тебя денег. Послушай меня, ты идёшь в Ершалаим просить неправедного царя Ирода наказать твоего неправедного соседа. Ну какая польза тебе, человеку, принявшему бога, от наказания одного нечестивца другим?

– Я хочу вернуть жёну, Учитель. Я люблю её!

– Да перестань же называть похоть любовью! – Иешуа сказал это громко, явно обращался не только к Ехуде. Судя по лицам вокруг, эта тема звучала не впервые, – Придумай какое-нибудь другое слово, если «похоть» не совсем подходит по смыслу! Подумай, Ехуда, если твоя жена блудница, зачем тебе возвращать её? Побить камнями и похоронить потом? Тебе станет лучше у её могилы? Или хочешь простить и жить с ней дальше? Это же блуд! А теперь представь её жизнь с тобой: тяжёлый крестьянский труд пропитания ради с мужем, который не может бога от дьявола

отличить. А, может, она поняла бога по-другому и пошла искать его царство, так за что её наказывать?

– Видел я это царство, – опять отозвался Кефа, – Неподалёку от римского военного лагеря в Кесарии.

Шутка его не имела успеха на этот раз. Иешуа резко вскинул руку в его сторону, показав ему открытую ладонь.

– Посмотри на птиц, Ехуда. Они послушны Богу. Не сеют и не жнут, но Господь заботится о них, и их много. Он даёт им жизнь достойную за покорность!

Ехуда наблюдал птиц раньше, когда те слетались клевать его посевы. Он видел, как они скакали по пашне, воровато оглядываясь, и выклёвывали зерно. Как жадно гонялись в воздухе за насекомыми и тут же трусливо убежали, едва почуяв опасность. Он не любил птиц и не считал их жизнь достойной, но возражать Учителю не стал. Тот, похоже, видел птиц по-своему. В полёте.

– Господь милостив к нашему народу. Он избрал нас из всех. Спас нас от истребления в плену, привёл в Палестину, сорок лет кормил манной в дороге. Он всемогущий, к нему нужно идти и просить у него, а не у Ирода. Он вернёт тебе настоящую любовь.

– Но, Учитель, посмотри на жизнь евреев! Ты считаешь это жизнь Божьих избранных? Мы живём под властью язычников и нас притесняют со всех сторон. Множество народов живут лучше, чем мы. Бог давно отвернулся от нас.

– Нет, всё не так, Ехуда! Он учит нас. Он показывает своё могущество и зовёт нас за собой. А ты идёшь искать правду не к нему, а к выродку Ироду и язычнику Кесарю. Так каких же благ ты ждёшь от бога?

Иешуа уже стоял, склонившись над Ехудой. Голос его звучал громко, но в нём не было ни угрозы, ни гнева.

– Он наказывает нас за неверие и непослушание. Ты должен жить под властью одного бога, а не считать всесильными нечестивцев. Если мы вернёмся к богу и утвердим в Палестине его царство, земля сама расцветёт, и народ заживёт как никогда раньше. Лучшие любого народа на свете. Он может превратить всю эту засушливую землю в райские кущи для тех, кто примет и полюбит его. Это в его силах!..

Лицо Иешуа озарилось вдохновением, слова лились легко и красиво. Ноты голоса пронзали сердце и наворачивались слезы от его срыва на хрип или шёпот в каком-нибудь особо значимом слове. Он умел выбирать слова. Они кололи, как рыбы кости в сочной мякоти, где не должно быть костей. Враг – так уж враг, а друг такой, что не найдёшь нигде. Смысл, несомненно глубокий, заслонялся эмоциями этого человека. Не уследить за его нитью, но нельзя не верить. Шорохи в среде слушателей прекратились и они, не отрываясь, смотрели на своего Учителя. Ради таких минут они ходили за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.